

1607—1659 г.». Но увы, детальное описание этой эпохи со всем ее своеобразием не доставило автору продолжительного удовлетворения. При всем необозримом множестве источников — «*mare ingens et immensum*¹», как Грегоровиус как-то раз писал Тиле, он очень скоро отказался от мысли создать целостное изображение и вознамерился публиковать отдельные исследования и эссе, но затем пришел к осознанию того, что он «не сможет довести до намеченной цели свои штудии по истории Тридцатилетней войны, в том числе и по причине безграничного варварства немецкого письменного языка той эпохи — эпохи национального одичания».

Эти работы над историей Тридцатилетней войны сперва были прерваны жалобой семейства Гумбольдт, протестовавшей против намерения Грегоровиуса осуществить издание «Писем Александра фон Гумбольдта к его брату Вильгельму». Глубокое проникновение в образ мыслей этих духовно близких ему братьев наложило особый отпечаток на глубокое по содержанию введение, озаглавленное «Братья фон Гумбольдт». Однако определяющим для дальнейшей творческой судьбы Грегоровиуса все же стало его первое путешествие в Грецию.

Весна 1880 г. принесла ему исполнение одного из давних и заветных его желаний — собственными глазами увидеть земли древних греков. Ибо хотя Грегоровиус благодаря своим работам буквально сросся с эпохой Средневековья, давняя мечта гуманистов по прекрасной заре человечества — Древней Греции сохраняла для него свою неотразимую притягательность. Еще в 1853 г., во время своей первой поездки на Сицилию, он испытал особое благодатное чувство, подышав «воздухом Эллады». Как восторженно звучит гимн Афинам в авторском введении к истории города Рима, когда Грегоровиус воспеваает их как «первое средоточие духа Запада, их науки, философию и прекрасные идеалы... Вся творческая деятельность мысли и фантазии сосредоточилась в столице эллинистического духа, и эта маленькая республика Афины Паллады с тех пор сохраняет безраздельное господство над умами

¹ «Море огромное и бескрайнее» (лат.) (Прим. пер.).